
Юлия
Олеговна Лебедева
Противоположности
притягиваются"
18+

Склифосовский

Юлия Олеговна Лебедева

"Противоположности притягиваются"

«Автор»
2026

Лебедева Ю.

"Противоположности притягиваются" / Ю. Лебедева — «Автор», 2026 — (Склифосовский)

Олег Брагин давно признан гением своей профессии, уверенно чувствуя себя среди коллег и пациентов. Но появление в больнице нового нейрохирурга нарушает устоявшийся порядок вещей. Талантливая новенькая поначалу вызывает лишь раздражение и непонимание. Их разные подходы к работе и характеры создают напряжение в коллективе.Однако одна ночь изменит всё.

© Лебедева Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 8
Глава 4 10
Глава 5 12
Глава 6 13
Глава 7 15
Глава 8 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Юлия Олеговна Лебедева "Противоположности притягиваются"

Глава 1

Меня зовут Марина Владимировна Нарочинская,мне 36 лет. Я врач нейрохирург,с недавних пор работаю в НИИ скорой помощи имени Склифосовского. Окончила медицинский институт с красным дипломом,долгое время жила в Америке,когда заболела мама,вынуждена была вернуться в Москву. Три года назад мамы не стало, её смерть до сих пор для меня огромный удар,но я стараюсь держаться,хотя бы ради отца,у которого в последнее время здоровье тоже пошатнулось.С раннего утра я стояла перед массивными воротами института, словно вновь переступала порог своей юности, ощущая тревожное волнение, смешанное с гордостью. Здесь начинался новый этап моей профессиональной жизни после долгих лет учёбы и работы за границей.

Я вспоминала долгие ночи в операционной, яркие огни города за окном, бесконечные исследования и семинары... Теперь же мне предстояло начать всё заново здесь, в родном городе, среди коллег, многие из которых были незнакомцами.

Я вошла в прохладный коридор отделения хирургии, остро ощутив знакомый запах больницы — смесь антисептиков, лекарств и надежды. Вспоминая свои первые шаги в этой профессии,остановилась возле портрета великого хирурга Николая Васильевича Склифосовского, основателя института. Именно здесь, под строгим взглядом легендарного доктора,я чувствовала особую ответственность, понимая, насколько важны будут мои решения, каждое движение руки, каждый нервный импульс в голове пациента. Знакомые лица коллег приветствовали меня искренними улыбками, наполняя теплом уютную атмосферу врачебного дня.

Однако едва я увидела Брагина, моё хорошее настроение мгновенно испарилась, словно утренний туман под первыми лучами солнца. Этот человек вызывал у меня целую гамму противоречивых чувств: раздражение перемешивалось с притяжением, ненависть сменялась любопытством.

Брагин стоял у окна, скрестив руки на груди, задумчиво глядя вдаль своими глубокими карими глазами. Высокий рост, аккуратная стрижка и уверенная осанка подчёркивали его привлекательность. Но именно эта уверенность раздражала больше всего. Его самодовольная ухмылка казалась вечной и неизменно вызывала желание стукнуть кулаком прямо по этой наглой физиономии.

Не о том ты сейчас думаешь, Марина, — шептал мой внутренний голос, предупреждая, что подобные мысли совсем неуместны в рабочей обстановке.

Тряхнув головой, пытаясь избавиться от навязчивого образа, я решительно направилась внутрь ординаторской. Там царила привычная атмосфера: запах антисептиков смешивался с ароматом кофе, звучали негромкие разговоры врачей и тихое шуршание бумаг. Я села за стол, достала историю болезни пациента и попыталась сосредоточиться на работе, стараясь выбросить из головы назойливые размышления о загадочном коллеги.

Но несмотря на мои усилия, взгляд невольно возвращался к Брагину. Его присутствие наполняло пространство особенной энергией, притягивая внимание окружающих женщин, даже тех, кто предпочитал держаться подальше от мужчин вообще. Что же было такого в нём? Почему он действовал на меня столь странно?Эти вопросы крутились в голове, пока я заполняла очередную карточку.

А вдруг... Нет, нельзя позволять себе думать подобным образом. Лучше заняться делом, отвлечься работой, погрузившись в детали клинической картины пациентов.Однако внутреннее напряжение нарастало. Я ловила себя на том, что постоянно поглядываю в сторону Олега,который увлечённо рассказывал какую-то медицинскую байку своим собеседникам. Это приводило в бешенство одновременно с восхищением: зачем он такой неотразимый? И почему его самоуверенность кажется такой привлекательной, хотя должна вызывать лишь неприязнь?

Чувствуя, как пульс учащается, я усилием воли вернулась к заполнению документов, убеждая себя, что работа важнее любых личных переживаний. Но краешком сознания продолжала наблюдать за ним, будто невидимая нить связывала нас вместе, заставляя снова и снова возвращаться мыслями к этому странному человеку.

Сложнее всего оказалось признаться самой себе: какая бы смесь эмоций ни рождалась внутри, одно оставалось неизменным — интерес к нему был сильнее любой антипатии. Противоречия терзали душу, создавая ощущение близкой бури, которую невозможно предотвратить. Оставалось лишь надеяться, что следующая встреча будет менее напряжённой и наполнена спокойствием профессионального взаимодействия, без каких-либо ненужных мыслей и вопросов...

Сделав два глубоких вдоха и выдыхая накопившееся напряжение,я вновь сосредоточенно взялась за работу, стараясь подавить внутренние переживания и сохранить ясность ума, необходимую врачу в любое мгновение.

Глава 2

Смелая, красивая, дерзкая... именно такой была Марина, наш новый нейрохирург. Её появление словно ветер перемен, свежесть которого смешивалась с запахом волнения и адреналина. Я чувствовал себя человеком, который случайно оказался в водовороте страстей, хотя предпочитал держаться подальше от бурь и штормов.

Она шла уверенной походкой, изящно ступая каблучком по полированному полу.

Каждый её жест говорил о решительности и профессионализме, будто сама судьба направляла её пальцы прикасаться лишь к важнейшим нервам человеческого мозга.

При взгляде на Марину сердце начинало биться быстрее, дыхание сбивалось, мысли путались. Она вызывала у меня целый спектр эмоций: раздражение — потому что вела себя слишком уверенно, превосходно осознавая свою значимость и привлекательность; уважение — ведь каждый день она творит чудеса, спасая человеческие жизни; желание — ибо внешность её притягивала магнитом, заставляя забывать обо всём остальном.

Я привык скрывать собственные эмоции, считая проявление слабости недопустимым признаком уязвимости. Поэтому всякий раз, когда мы сталкивались взглядом, мои глаза намеренно становились холоднее льда Арктики, голос звучал резко и отрывисто, а движения приобретали нарочито резкий характер. Мы постоянно пытались перетянуть одеяло власти друг у друга, доказывая своё первенство и профессионализм. Между нами было столько напряжения, сколько искр летело бы, если бы скрестились два заряженных электрических провода.

Каждый разговор превращался в дуэль, наполненную колкими репликами и острыми выпадами. Однако за этими провокациями скрывалась другая истина: каждый из нас хотел почувствовать силу другого человека, проверить границы терпения и обнаружить предел собственной выдержки. Возможно, таким образом наши сердца искали способ выразить скрытые желания, спрятанные глубоко внутри, там, куда редко заглядывают даже самые смелые мечты.

Ночи были заполнены мыслями о ней, образы танцевали перед глазами, грозя лишить сна навсегда. Эти моменты стали неотъемлемой частью моей реальности, наполняющей жизнь смыслом и значением. Не признавать это казалось глупым самообманом, поэтому я продолжал играть роль равнодушного наблюдателя, надеясь, что однажды смогу признаться ей в истинных чувствах.

И вот настал тот миг, когда случай свёл нас вместе вне стен операционной. Шёпот ветра доносил звуки дождя, отражаясь эхом в пустых коридорах больницы. Стоя напротив неё, я почувствовал напряжение нарастающей близости, оно заполнило собой каждую клеточку моего тела, превратив обычное дыхание в настоящую пытку.

Марина смотрела прямо в глаза, взгляд её казался спокойным и немного задумчивым. В этот момент она улыбнулась, легкая, едва заметная улыбка, пробежавшая мимолетно, но оставившая неизгладимый след в душе. Внутри вспыхнул огонь желания, неподвластный контролю, подавляющий всю осторожность и разумность. Мне захотелось прижать её к себе, ощутить тепло её кожи, насладиться близостью, которую жаждало моё тело.

Но, несмотря на внутренний пожар, гордость взяла верх над эмоциями. Вместо поцелуя прозвучала очередная колкость, призванная скрыть слабость и укрепить позицию лидера в этой невидимой битве. Оба знали правду, но предпочитали продолжать игру в маскарад.

Так продолжалось долгое время, пока обстоятельства наконец-то не позволили нам встретиться лицом к лицу без масок, открывшихся настоящих чувств и желаний. И тогда мы поняли, что борьба за власть была всего лишь игрой, а настоящие отношения начинаются там, где заканчивается соревнование и начинается искренняя любовь.

Глава 3

Стук моего сердца становился громче с каждой минутой приближающегося вечера. Когда-то привычные стены больницы сейчас казались тюрьмой, чьи холодные коридоры заглатывали шаги словно хищники добычу. Я стояла перед дверью ординаторской , пытаясь успокоить дыхание и разгладить складки белого халата, который почему-то стал таким тесным, будто бы кожа сама сжалась от волнения.

«Брагин...»

Это имя звучало в моей голове подобно эху прошедшего шторма. Страшного, страстного, непреодолимого. Однажды ночью он бросил меня на больничную койку, приглушив свет лишь бледным отблеском луны сквозь окно. Его губы были горячими, нетерпеливыми, его руки скользили по моему телу с жадностью голодного зверя. Тогда я почти позволила себе утонуть в его объятиях, почувствовать вкус запретного плода. Но в последний миг рассудок возобладал над желаниями, заставив отпихнуть его прочь.

Сейчас я вновь ощущала тепло тех мгновений, когда тело становилось огнем, нервы натягивались струнами, а сердце готово было выпрыгнуть наружу. Страх мешался с возбуждением, создавая опасный коктейль чувств, от которого кружилась голова и путалось сознание.

— Неужели придется пройти через это снова?

Мысленно прокручивая события той ночи, я понимала всю абсурдность ситуации. Ведь мы оба знали правила игры, понимаем границы дозволенного. Или не понимали? Брагин словно забыл, кем является здесь и кто я такая. Для него я была всего лишь объектом страсти, искрой, способной взбудоражить кровь. Что помешает ему повторить попытку?

Страх окутывал мои мысли густым туманом. Я думала о том, чтобы попросить помощи у Салама Гафурова, молодого врача-стажёра, чья открытость и доброта порой служила островком спокойствия среди бушующего моря эмоций. Быть может, стоит обменяться сменами с ним? Отказавшись от ночной смены, получить шанс избежать повторения ошибок прошлого...

Но какая-то невидимая сила удерживала меня от такого шага. Возможно, любопытство. Или желание узнать, сможет ли Брагин ещё раз пробудить во мне эту бурю желаний. Потому что даже после всех страхов и сомнений одна мысль пульсировала настойчиво: а вдруг именно эта ночь станет началом чего-то большего, настоящего чувства?

И всё таки мне пришлось на пару часов отлучится,позвонил отец и попросил меня срочно приехать.

Поблагодарив Гафурова за то,что он меня выручил,я отправила его домой. Достав из ящика свою хирургическую форму,я стала переодеваться. Просить Брагина выйти было бесполезно,по этому мне пришлось устроить не большой стриптиз. Господи Нарочинская,о чём ты вообще думаешь?–пристыдил меня внутренний голос.

–Послушайте,а вы всегда такая?

—Какая?

—Деловая. Прям мужик в юбке.

—Лучше уж быть мужиком в юбке,чем бабой в штанах!–сказала я, практически в плотную приближаясь к столу,за которым он сидел.

Олег схватил меня за запястье и потянул на себя,я упала прямо в его объятия.

—Брагин,ты совсем сдурел да?

Я встала и направилась к двери,нет,я не собиралась уходить,просто хотела запереть её,чтобы нам никто не смог помещать. Вернувшись обратно,я забралась к нему на колени и взяв его лицо в свои ладони, поцеловала долгим поцелуем.

—Двери надо закрывать!–сказала я,проводя пальцем по его щеке и губам.

А дальше было всё как в тумане. Он подхватил меня на руки и понёс на кровать, мгновение и наши тела уже слились в безумном танце страсти. Жалела ли я об этом прорыве? Скорее нет,чем да,в конце концов таким образом я просто снимала стресс,который накопился за весь сегодняшний день.

Брагин оказался отличным любовником,мне было хорошо с ним в постели,но мне не нужны были сейчас серьёзные отношения,да и Олегу тоже,по этому мы договорились с ним,что оба будем считать,что этот секс был просто по дружбе.

Остаток дежурства прошёл более менее спокойно,(что даже удивительно),утром заполнив карточки и сдав смену,я поехала домой отсыпаться.

Глава 4

После того, что случилось этой ночью между мной и Мариной, мои чувства словно вырвались из тесных рамок привычного мира и ринулись навстречу чему-то неизведанному, удивительному и немного пугающему. Я лежал рядом с ней, чувствуя её тепло, запах волос, нежность прикосновений, и понимал, что уже давно потерял счёт обычным женщинам своей прежней жизни.

Марина была особенной — хрупкая, утончённая, почти прозрачная, будто светилась изнутри каким-то тихим внутренним светом. Её глаза были глубокими озёрами, отражающими тайны мироздания, голос мягким шелестом листьев осеннего леса. Она казалась совершенно другой женщиной среди всех тех, кого я знал до сих пор. Нет, дело вовсе не в внешности, не в красоте тела, даже не в неповторимости черт лица... Дело в чём-то большем, таинственно-неуловимом, тонком и невыразимо прекрасном.

Мы долго сидели молча после всего произошедшего, глядя друг другу в глаза, слушая дыхание друг друга, ощущая пульсирующую тишину ночи вокруг нас. Мысли кружились в голове тяжёлым хороводом воспоминаний, каждый миг которого был наполнен новыми оттенками чувств, эмоций, открытий...

Моя рука легонько касалась её плеча, нежно скользила по спине, оставляя за собой едва заметный след тепла и желания. Каждое движение вызывало отклик внутри, рождало ощущение гармонии и полноты бытия. Словно невидимая нить соединяла наши души, создавая нечто единое, неразделимое, глубокое и прекрасное одновременно.

Что же произошло? Почему именно она смогла пробудить во мне такое чувство близости, понимания, радости и лёгкости? Может быть, потому что Марина обладала редким даром видеть человека глубже поверхностных оболочек, проникать внутрь самой сути личности? Или, возможно, ей удалось раскрыть какую-то скрытую струнку моей души, которую раньше никто не слышал?

Не знаю точно, да и важно ли это сейчас? Важно лишь одно — я понял наконец, что значит настоящая любовь, подлинная близость, полное слияние душ. И пусть впереди ждёт неизвестность, неопределённость, сомнения, главное, что эта ночь навсегда останется в моём сердце яркой вспышкой счастья, осознания истинной ценности каждого мгновения, прожитого вместе с любимой женщиной.

Ординаторская — место наше первое прикосновения и одновременно финальный аккорд нашего общего прошлого. Там впервые ощутил вкус счастья с Мариной, там потерял её навсегда, отдавшись другому чувству. Не зря говорят, что стены слышат и помнят всё... Теперь здесь снова оказался я, только теперь уже не один, а с Леной.

Это произошло быстро, внезапно, инстинктивно. За дверью мелькали тени коллег, кто-то смеялся невдалеке, шумел телефонный звонок. Всё происходило прямо под боком любимой девушки, буквально на расстоянии вытянутой руки. Страсть захлестнула нас волной безумия, заглушив голос совести, оставив лишь ощущение остроты момента и пустоты внутри.

Но потом настал миг прозрения. Когда дверь открылась и вошла Марина, её лицо мгновенно омрачилось болью и разочарованием. Она молча смотрела на нас, неподвижно стоящих посреди комнаты, пытаясь осознать случившееся. Что могла сказать девушка, которую предали? Ничего. Просто развернулась и ушла, тихо закрыв за собой дверь, оставив после себя ледяной холод одиночества и муки раскаяния.

— Марин, это совсем не то, что ты подумала... — сказал я, догнав её стремительной походкой в тусклом полумраке больничного коридора.

Её тонкие плечи дрожали от напряжения, она нервно вытирала рукавом слёзы, стремясь скрыть своё смятение. Но я уже успел заметить блестящие дорожки слезинок, бегущие по бледному лицу, очерченному резкими тенями ламп дневного света.

–Мне всё равно!–она старалась говорить ровно,но голос всё равно выдавал её волнение.

Гнев вспыхнул в моих глазах. Я чувствовал пустоту внутри, осознавая собственную слабость перед чувствами этой хрупкой девушки. Она стояла передо мной такой маленькой и уязвимой, будто каждый мой взгляд мог ранить её сильнее любой острой иглы.

— Какая же ты, чёрт возьми, свинья, Брагин! — вскрикнула Марина резко, распрямив спину и гордо подняв подбородок. Её ладонь взвилась вверх, словно готовая обрушиться на моё лицо тяжёлым ударом возмездия.

Но я молниеносно перехватил её тонкое запястье, почувствовав горячую пульсацию крови под пальцами. Сжав покрепче, потянул девушку ближе к себе и, наклонившись, страстно прикоснулся губами к её мягким устам.

Поцелуй был жадным,полным боли и страсти одновременно. Наши тела соприкоснулись друг с другом, и мир вокруг исчез, оставив только глухое эхо шагов больных, да тихие шорохи медицинских тележек.

Глава 5

Слёзы душили меня, словно невидимый узел затянулся глубоко в груди, не давая вздохнуть полной грудью. Я стояла неподвижно, будто статуя, застигнутая врасплох собственной болью, когда дверь ординаторской медленно открылась, выпуская наружу тихий шёпот чужого счастья.

Они стояли там, среди разбросанных бумаг и белых халатов, словно герои чужой пьесы, случайно оказавшиеся на моей сцене. Олег, мой Олег, тот, чьи глаза недавно говорили мне нежнейшие слова любви, теперь стоял рядом с Леной, медсестрой хирургического отделения, улыбаясь ей такой знакомой мне улыбкой.

Она была прекрасна в своей наготе, прикрыта лишь лёгким медицинским халатом, небрежно завязанным узлом на талии. Он едва касался её плеч, открывая линию шеи, тонкую и изящную, словно фарфоровая статуэтка. Волосы Лены рассыпались беспорядочным облаком, слегка влажные и спутанные, будто ветер только что коснулся их своими пальцами.

Сердце моё сжалось болезненно, будто кто-то крепко стиснул его ледяной рукой. Время остановилось, замерло, превратившись в бесконечную секунду боли. Казалось, даже стены ординаторской тихо вздыхают вместе со мной, сочувствуя молчаливым свидетелем моего унижения.

А Лена, заметив меня, вспыхнула ярче прежнего, торопливо запахивая халат теснее, словно этот тонкий кусок ткани мог защитить её от моих глаз, наполненных обидой и отчаянием. Её пальцы нервно теребили ткань, выдавая волнение и неловкость, которых раньше я никогда не видела в её уверенной походке и спокойном взгляде.

Я повернулась спиной к этой картине, чувствуя, как слезы наконец-то побежали горячими струйками по моим холодным щекам. Дверь захлопнулась глухо, оставляя позади боль, предательство и пустоту, растущую внутри меня с каждым мгновением.

За окном дождь лениво бил по стеклу крупными каплями, создавая мелкую мелодичную дробь. Тёмные облака низко висели над городом, укрывая его плотной пеленой серости и печали. Казалось, сама природа сочувствовала мне сегодня вечером.

Я старалась удержать дыхание, боясь выдать свою слабость, но тело уже само решило иначе — руки дрожали мелкой нервной дрожью, ноги отказывались слушаться, глаза покраснели от напряжения.

Дверь громко хлопнула, резкий звук прозвучал, как последний аккорд грустной симфонии. Всё закончилось окончательно и бесповоротно. Теперь я осталась одна, лицом к лицу с тишиной, болью и воспоминаниями, мучительно яркими и пронзительными.

Плечи дрогнули, подбородок задрожал, голова опустилась, скрывая лицо в руках. Вся жизнь, казалось, рассыпалась в этот миг осколками разбитого зеркала, отражающего лишь бессмысленную череду дней и ночей, полных ожиданий и надежд, теперь безвозвратно ушедших навсегда.

Сердце снова дало слабый толчок, пробуждая сознание, заставляя осознать неизбежность происходящего. Ей оставалось одно — принять реальность такой, какая есть сейчас, и идти дальше через эту тьму, навстречу новому рассвету, который рано или поздно придёт... Возможно.

Глава 6

За все мои тридцать восемь прожитых лет мне довелось повстречать немало прекрасных женщин, каждая из которых оставила след в моём сердце. Но среди всех этих ярких воспоминаний есть одно имя, которое горит ярче остальных — Марина.Наши отношения начались неожиданно, словно вспышка молнии ясным летним вечером. Мы встретились случайно на дежурстве в больнице, и наши взгляды пересеклись всего лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы зародилось чувство, неподвластное разуму. Наши общие ночи были полны страсти и тепла, мы вместе мечтали о будущем, строили планы, будто рисовали картину маслом на холсте судьбы.

Но однажды случилось непоправимое. Как часто бывает, даже самые крепкие чувства подвергаются испытаниям. После той ссоры Марине удалось поставить между нами невидимую преграду, такую высокую и неприступную, что никакие попытки примирения не могли разрушить эту каменную глыбу.

Каждый день наша стена росла, превращаясь в огромный барьер, преодолеть который казалось невозможным. Общение стало формальным, сухим и холодным, ограничиваясь исключительно профессиональными обязанностями. Каждая встреча вызывала раздражение, напряжение и внутреннюю боль, которую я тщетно пытался скрыть.Это невыносимо тяжело, когда человек, которого ты любишь всей душой, находится рядом, но одновременно так далеко, что кажется почти чужим.

Это больно осознавать, что вся твоя любовь, твои мечты, ваши счастливые моменты становятся лишь воспоминаниями, которым больше нет места в настоящем.

От отчаяния я начал срывать своё недовольство на окружающих. Коллеги терпели мои резкости молча, понимая, что причина моего раздражения кроется глубоко внутри. Больше всех страдала моя лучшая подруга Нина. Она старалась поддержать меня, помогала советом, утешала словами, но каждый разговор заканчивался очередным взрывом негативных эмоций, потому что Нина видела всю глубину моей боли и разделяла её со мной.

Каждый вечер, возвращаясь домой, я чувствовал опустошённость и одиночество. Жизнь потеряла смысл, краски потускнели, звуки притихли. Всё вокруг перестало радовать, ведь там, где раньше был источник счастья, теперь зияла глубокая пропасть.

И вот сейчас, стоя посреди своего внутреннего хаоса, я понимаю, насколько важно беречь тех, кто дорог тебе. Нужно ценить каждое мгновение, проведённое вместе, не принимать друг друга как должное, избегать обидных слов и помнить, что настоящее счастье возможно лишь тогда, когда оно строится на любви, уважении и взаимопонимании. А пока я стою перед этой стеной, отчаянно пытаясь найти способ пробраться сквозь неё обратно туда, где живёт самое светлое чувство моей жизни — любовь к Марине.

Вечер мягко опустился на город, укрыв улицы золотистым покрывалом сумерек.

Кафе было уютным островком света среди серых бетонных волн домов. Мы сидели с Ниной напротив друг друга, словно два одиноких корабля, застигнутых штилем ожидания.

— Брагин, что происходит между тобой и Маринкой? — спросила вдруг Нина, внимательно глядя поверх края чашечки кофе.

Её взгляд казался прозрачным стеклом, сквозь которое легко читались забота и лёгкая тревога.

Я почувствовал, как щеки слегка заливаются теплом, будто невидимый художник провёл кистью розоватого оттенка.

— А что происходит между тобой и Неклюдовым? — попытался я перевести разговор, чувствуя неловкость.

Но Нина лишь улыбнулась уголками губ, терпеливо покачала головой:

— Так, ты давай от темы-то не уходи.

Я вздохнул, посмотрел в окно, где фонарь рисовал кружево теней на мокром асфальте.

— Да не знаю я. Ты же видишь, шарахается она от меня как чёрт от ладана.

Голос мой прозвучал глухо, словно эхо в пустой комнате. Внутри нарастало ощущение беспомощности, похожее на тихий шёпот осеннего ветра.

— Любишь её? — тихо спросила Нина, наклонившись чуть ближе.

Я резко поднял глаза, пытаясь поймать отражение своего удивления в её взгляде.

— Я? Да нет конечно, — соврал я, прекрасно зная, что говорю неправду.

Она усмехнулась едва заметно, уголок рта тронула грустная полуулыбка.

— Ой, Брагин, кому ты врёшь? С какого курса мы с тобой дружим? Вот, даже и не помнишь...

Последние слова прозвучали укоризненно, словно мягкий упрек матери ребёнку, пытающемуся скрыть очевидное.

— Нин, что мне делать? — вырвалось наконец искренне.

На мгновение в глазах подруги мелькнул отблеск надежды, будто зажёгшийся светлячок в темноте.

— Для начала поговори с ней, — спокойно ответила она, отставляя пустую чашечку.

Я горько рассмеялся, звук получился резким, царапающим тишину вечера.

— Да это бесполезно, она меня даже слушать не будет.

Нина задумчиво посмотрела на часы, потом снова перевела взгляд на меня.

— Знаешь, иногда самые крепкие стены рушатся от простого прикосновения руки. Не надо ждать громких признаний или бурь эмоций. Просто подойди завтра утром, когда никого рядом не будет, и скажи ей честно, что чувствуешь. Без красивых слов, без пафоса. Просто правду.

Я молча кивнул, понимая, что другого выхода уже давно нет. И хотя сердце билось неровно, словно боясь предстоящего разговора, впервые за долгое время появилась робкая надежда, похожая на первый луч солнца, пробивающийся сквозь густую пелену облаков.

Глава 7

Наступил долгожданный день рождения Нины! Родные и близкие собрались на просторной уютной даче у старшей сестры именинницы, Екатерины Дмитриевны. Изумрудные кроны деревьев шелестели листвой над крышами беседок, воздух был пропитан ароматом свежести, весеннего цветения и дымком мангала.

Все вокруг светилось радостью, разговоры гремели звонкими голосами, смех взлетал до небес, искрясь солнечными лучами. Катя суетилась среди гостей, заботливо угощая всех блюдами домашнего приготовления, особенно знаменитым пирогом с яблоками и корицей, который она готовила каждый год специально ко дню рождения младшей сестры.

Тост следовал за тостом, искренние пожелания летели подобно тёплым ветрам счастья и благополучия, наполняя сердца теплом и улыбками. Но лишь одно сердце оставалось холодным и чуждым этому веселью — моё собственное. Я стояла в стороне, прислонившись плечом к прохладному стволу старого дуба, пытаясь спрятать свою боль и разочарование под маской равнодушия.

Моё сердце разбилось на тысячи мелких осколков,когда я узнала,что человек которого я так сильно любила,женится на другой. Он сам при всех гостях сделал ей предложение,на которое она ответила согласием.

Надо было держаться до конца — ведь никто ещё не знал, какая буря бушевала в моей груди. И пока все поздравляли счастливых влюблённых, я, сделав вид, будто вспомнила важное дело, тихо вышла из комнаты, стараясь скрыть дрожь рук и горечь слёз, застревающих в горле комком отчаяния.

Вернувшись домой, я долго стояла перед зеркалом, всматриваясь в отражение своей потерянной тени. Наконец дали свободу слезам, давно копившимся в уголках глаз. Они катились по щекам медленно, бережно, погружая душу в глубокую пучину горя и одиночества. Отчаянно пыталась найти спасение от этой муки, бросив взгляд на бутылку коньяка, стоявшую на столе, ожидающую своего часа. Но сколько бы я ни пила, боль оставалась прежней, пронзительной, беспощадной, цепляясь когтями за каждую клеточку тела.

Так я сидела почти всю ночь, пытаясь собрать по кусочкам свою жизнь, вернуть себе спокойствие и уверенность, которыми была наполнена ещё несколько часов назад. Однако ничего не получалось — пустота внутри стала необратимой, её невозможно заполнить никакими напитками, словами поддержки или обещаниями лучшего будущего.

Утро пришло рано, холодное и серое, предвещающее долгий путь исцеления и восстановления после пережитого потрясения. Передо мной лежали сотни осколков собственного сердца, оставшихся от встречи двух чужих судеб, которым судьба подарила счастье там, где должна была принадлежать мне.

Решив покинуть привычный круговорот дней и ночей московского ритма жизни, я отправилась в путь — единственный способ сбежать от тревожащих мыслей, разрывающих сердце на части. Как будто бы все дороги вели меня прочь отсюда: бесконечные серые стены больниц, гулкий коридор института имени Склифосовского и холодная лампочка над моей головой, словно маячок, указывающий направление бегства.

Сердце кололо острой иглой каждый раз, когда смотрела на часы и думала о днях впереди, полных мучительных ожиданий и бессмысленных усилий изменить свою судьбу. Я была уверена лишь в одном: здесь оставаться больше нельзя. Москва стала моим призраком, она преследовала меня повсюду своими тенями прошлого, шумом улиц и светящимися окнами квартир, где чужие люди жили своей жизнью, оставляя меня наедине с болью одиночества.

Утро началось тихо, почти незаметно. Вскочила раньше обычного, натянула белый халат поверх черной блузы и быстро спустилась вниз, чтобы успеть поймать такси до работы. Шагая через парк, увидела птиц, щебечущих в кронах деревьев, словно пытаясь передать мне тайное послание свободы. Однако чувство тяжести снова вернулось ко мне, стоило подойти ближе к институтскому зданию. Всё внутри сжималось и противилось каждому движению вперёд.

Поднялась на третий этаж, миновав знакомые лица коллег, улыбки которых казались теперь чужими и неуместными. Остановившись перед дверью ординаторской, глубоко вздохнула и вошла внутрь. Олег сидел за столом напротив окна, погрузившись в чтение медицинской карты пациента. Его лицо выглядело усталым, глаза слегка покраснели от бессонницы. Казалось, он чувствовал моё присутствие ещё до того, как я успела поздороваться. Медленно поднял взгляд и мягко произнес:

— Привет... Ты выглядишь уставшей сегодня...

Его голос звучал спокойно, ровно, вызывая странную смесь чувств: тепло благодарности и горькое сожаление одновременно. Именно сейчас я поняла окончательно: уйти нужно было именно сюда, именно отсюда. Но оставалась одна проблема — сама я продолжала стоять неподвижно, словно прикованная невидимыми цепями к этому месту. Сердце отчаянно билось в груди, будто прося помощи и понимания.

Молчали долго, глядя друг другу в глаза, чувствуя тишину между нами такой глубокой и пронзительной, что казалось, весь мир замер вместе с нами. Наконец решилась произнести слова, давно созревшие во мне:

— Знаешь, я уезжаю. Надоело видеть одни и те же стены, дышать одним воздухом. Мне надо найти своё место, даже если оно далеко отсюда.

Олег кивнул медленно, продолжая смотреть прямо на меня, потом взял ручку и начал чертить какие-то линии на листе бумаги. Потом резко вскинул голову вверх и сказал твердо:

— Может, попробуем сначала разобраться? Ведь иногда кажется, что бежать проще всего, но решение находится совсем рядом.

Эти слова заставили меня задуматься. Возможно ли действительно найти выход здесь, среди старых стен и знакомых лиц? Или это очередная иллюзия, созданная моим разумом, стремящимся сохранить остатки надежды?

Но решение уже было принято. И хотя страх остался со мной, оставалось одно желание — двигаться дальше, туда, где солнце ярко освещало дорогу, а ветер ласково касался щек, обещая свободу и покой.

Глава 8

Ночь выдалась прохладная, звёзды мерцали робко и осторожно, будто боялись нарушить тишину переулков. Луна взирала сверху бесстрастно, освещая лишь контуры зданий и теней людей, спешащих куда-то мимо, погружённых в собственные заботы и тревоги. Время словно замедлилось до бесконечности, каждая секунда тянулась долго, мучительно и невыносимо медленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.